А. К. КАЦИЯ

Памятники архитектуры в долине Цкуара

(Материалы по археологии Абхазии.
Тбилиси — 1967)

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

Holy Metropolis of Abkhazia
www.anyha.org

А. К. КАЦИЯ

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ В ДОЛИНЕ ЦКУАРА

Летом 1962 года в Абхазский Совет Грузинского общества охраны памятников культуры поступило сообщение о том, что на территории села Приморское Гудаутского района под мощным земляным покровом обнаружены остатки какого-то сооружения. В результате его первичного обследования специалистами во главе с археологом В. Пачулиа выяснилось, что обнаружен средневековый архитектурный памятник. Для его спасения Советом Общества охраны памятников и Абхазским институтом языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР была организована и поручена мне экспедиция, которая и занялась расчисткой памятника.

Храм расположен в долине реки Цкуара в 3 км от берега Черного моря на западном крутом склоне невысокой горы, называемой местными жителями Мсыгхуа, поэтому и было решено назвать открытый памятник тем же именем.

В процессе работы в окрестностях храма были обнаружены развалины еще одного памятника, близкого к первому по многим строительно-техническим приемам исполнения. Второй памятник находится в 2-х км севернее храма Мсыгхуа в местечке Ачануа (храму дали это же наименование), он тоже расположен на склоне холма, но значительно выше, ближе к его вершине. Предварительное знакомство с ними показало, что вновь выявленные памятники входят в круг многочисленных сооружений, расположенных в окрестностях Анакопии, и, несомненно, заслуживают внимания.

Какими-либо письменными или устными сведениями об этих двух храмах мы не располагаем, но бесспорно то, что они построены были в когда-то очень густо населенном месте. Подобный вывод продиктован тем, что в бассейне нижнего течения реки Цкуара есть и другие храмы. Повсюду здесь встречается большая масса черепков керамических изделий, а в одном месте, у самой реки, обнаружены и следы гончарного производства. Вблизи церквей были захоронения и нынешнее местное население неоднократно встречало здесь во время земляных работ различные кувшины, ступки, железные кинжалы и другие предметы утилитарного назначения. Кроме того, на всей территории близлежащих склонов, холмов и лощин встречается и множество одичавших садов из фруктов местных пород.

Храм Мсыгхуа. Строители храма, планируя его, пользовались широким выбором места. Долина реки Цкуара вся обрамлена массой холмов, чередующихся цепочкой по обеим ее сторонам, вполне пригодных для возведения сооружений подобного характера. Действительно окружение холмов, на котором возведены храмы, исключительно красиво. И как справедливо отмечает академик Г. Н. Чубинашвили, «Самое место, где предполагалась постройка храма... выбиралось не случайно, а всегда... по определенным признакам. Признаки эти — красота местоположения, прежде всего; место это могло быть близко от населенного места,

прямо в центре его или за много верст в горах, но оно всегда обладало качествами красивого пейзажа и всегда наличия вблизи, если не прямо там же, родника»[1].

Храм Мсыгхуа возвышается над окружающей местностью и с его площадки к северу открывается величественная панорама на горы Бзыбского хребта. На фоне хребта, доминируя над всей обширной местностью, четко вырисовывается стройная и крутая седая горная вершина, наподобие островерхой шапки, которая называется Ах-ибаху, что в переводе с абхазского означает Царева гора. Впрочем не так уж часто ее можно видеть, большую часть времени она скрыта облаками или же туманом. Совершенно противоположная картина открывается на юг. Вершины, горы и холмы, постепенно понижаясь, опускаются к морю, где за неширокой кромкой прибрежной полосы открывается необозримая синь Черного моря. К этому следует добавить и то, что в 80 метрах, на самом берегу реки действительно бьет родник, а чуть ниже еще на 50 м, находятся минеральные источники. Таким образом красота местности и родники в значительной мере обусловили избрание строителями места для храма. Этот важный момент в строительном искусстве был развит еще в древнейшие времена и получил свое достойное продолжение и здесь. Аналогичное явление наблюдается и в Ачануа.

Нетрудно представить себе, как видимый с большого расстояния каждый из этих храмов своими стройными массами живописно вкомпановывался в пейзаж, составляя его неотъемлемую часть. Поражает одно, почему строители храма Мсыгхуа выбрали именно купольный тип, сооружая его таким маленьким? Он очень схож с многими купольными сооружениями целесообразных размеров, но, по-видимому, он был фамильным храмом феодала и ктитор непременно хотел, чтобы он по своим формам походил на величественные храмы, нимало не заботясь о том, что храм вмещал очень ограниченное количество молящихся.

В результате расчистки памятника Мсыгхуа обнажились очертания христианского храма с тремя выступающими на восток абсидами, без каких-либо пристроек. Внешние размеры строения в плане составляют 9,8 x 7,6 метров. В настоящем состоянии наибольшая высота стен храма достигает лишь 1,6 метра, причем более разрушенным оказался юго-восточный угол с южной абсидой. Пол внутри храма был покрыт красной цемянковой стяжкой (табл. I).

На расчищенной вокруг храма площадке было обнаружено большое количество строевого камня из обрушившегося верха храма, кровельная керамика, а также резные и декорированные блоки. Заложенные под фундамент шурфы дали возможность определить его состав и размеры. Раскоп храма был очень труден, так как в самом хаотическом состоянии были навалены каменные блоки, черепица и остатки скрепляющих материалов. По-видимому, храм был насильственно разрушен, о чем свидетельствуют обнаруженные в местах дверных проемов обуглившиеся остатки дверей.

Из раскопанного материала обращают на себя внимание различные блоки и фрагменты конструктивных деталей здания, фрагменты декора и профилированных плит, обломки кровельной черепицы и калиптер (табл. X, XI), некоторые с антефиксами (табл. IX, 2), личные формы которых говорят о сложной кровле, перекрывавшей купол и выступающие абсиды. Были найдены и осколки круглых с узорами

[1] **Г. Н. Чубинашвили.** Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, стр. 587.

тонких, оконных стекол (табл. XII). Семь блоков с пилонов храма, зашифрованные под №№ 176, 185, 186, 200, 280, 437, 539, свидетельствуют об использовании мастерами древних строительных традиций скрепления блоков. В торцевых местах соединения на них имеются выдолбленные неглубокие отверстия в которые закладывались штыри. Обычно для штыря в прошлом использовали металл, залитый свинцом, или же твердый камень. Однако следов ни того, ни другого в этих отверстиях нет. По-видимому, здесь использовали твердую и долговечную породу дерева, которыми так богата эта местность (в частности самшит или тис), они могли прослужить длительное время (табл. VI, 5).

Заслуживают также внимания многочисленные фрагменты каменной алтарной преграды, обнаруженные во время расчистки храма перед алтарем. Оставшиеся от нее резные орнаментированные граненые столбы побились от падения, но, как выяснилось, до падения пять из шести столбов были монолитные (табл. VIII, 1). Материал, из которого выполнена алтарная преграда, тот же, из чего сложен храм. Он добывался из одного карьера. Техника обработки столбов и художественные мотивы декора на них несколько иные. Здесь нет той тщательной обработки фактуры, доведенной почти до шлифовки, которые наблюдаются на самом здании. Не так строги также формы, линии и рисунок декора. Преграда сама по себе сделана с большим знанием дела и мастерски декорирована. Исполнение монолитных столбов высотою в 2,6 м при сечении всего в 0,2 м очень сложная работа, требующая большого умения.

Каждый из столбов состоит из трех составных частей: капители, восьмигранного стержня, обрамленного сверху и снизу поясками небольших выступов, и высокой, в сечении четырехугольной, базы. Капитель в виде перевернутой усеченной пирамиды, четырехугольное основание которой переходит в сужающийся восьмигранник, с лицевой стороны украшена углубленными бороздками в виде пальметок, расходящихся веерообразно в стороны. Стержень абсолютно гладкий. Все базы так же как и капители украшены лишь с одной лицевой стороны резным декором из переплетающихся профилированных бороздками лент, жгутов и т. д. Рисунок на всех базах столбов различный и носит черты грузинских средневековых орнаментальных мотивов. Немногочисленное количество плит с преграды своим декоративным убранством производит впечатление несколько иного характера, но эти вопросы, как и вся алтарная преграда в целом, требуют специального исследования.

Четко очерченный план Мсыгхуа представляет собой чуть вытянутый по продольной оси четырехугольник с тремя выступающими на восток обсидами, причем, средняя — большая — снаружи граненая, а боковые — круглые. Четыре пилона, расположенных в центральной части помещения, делят его на три нефа, которые завершаются раскрывающимися с востока в интерьер тремя глубокими алтарными полукружиями (табл. II). По продольной и поперечной осям помещения, строго по центру, стены прорезают три дверных проема — с юга, запада и севера. Вдоль стен идет невысокий парапет для восседания.

Троечастный алтарь возвышается над залом на две ступени. Перед его центральной подковообразной в плане абсидой глубокая бема. В северной и южной сторонах расположены жертвенник и диаконник. Эти, в плане вытянутые помещения, очерченные с востока в полциркуля, соединены с алтарем узкими проходами.

Стены храма, стоящие на довольно высоком цоколе, сложены из

двух рядов гладко тесаных квадров с заполнением из бутобетона. Толщина стены достигает 0,9 м и она выдержана почти везде одинаково.

На внутренних стенах кое-где наблюдаются следы былой штукатурки, видимо, более позднего происхождения. Следов же росписей не обнаружено. Плоскости продольных и торцевой (западной) стен расчленены пилястрами, каждая из которых расположена напротив пилона. Это указывает на то, что пилястры были соединены с пилонами подпружными арками, поддерживавшими своды.

Еще в процессе расчистки храма отдельные находимые фрагменты строения поражали тщательностью обработки, а когда представилась вся нижняя часть сооружения, с кладкой гладких плоскостей стен, с четкими линиями еле заметных швов, углов и граней, с правильными полукружиями выступающих абсид, то стало очевидным высокое мастерство исполнения работ строителей. Что касается архитектурной композиции сооружения, то судить достоверно по тому, чем мы располагали, не представлялось возможным. Можно было лишь подойти к некоторым выводам, исходя из общих и непременных строительно-художественных норм христианской культовой архитектуры.

Единственно полное представление мы получили о плане. Бесспорно он доказывает лишь одно, что храм не мог быть зальной церковью, на что указывает наличие членящих пространство пилонов и устройство троечастного алтаря, и обладает чертами, типичными для купольных храмов[2]. Композиционное решение плана храма Мсыгхуа, несомненно, обладает особенностями храма с куполом на четырех столбах. Это подтверждается имеющимися материалами, которые излагаются ниже. Внешняя конфигурация плана предельно лаконична и не нарушена какими-либо пристройками. Главный тройной выгиб с востока не нарушает общей компактности сооружения. Во внутреннем очертании плана, соответствующем внешним, все умещено в пределах квадрата и примыкающей к нему алтарной части. Здесь, наряду с выразительной подковообразной дугой центральной абсиды, зодчий применил спокойную полуциркульную кривую боковых абсид.

Подковообразная арка нашла свое применение во всех христианских странах Закавказья еще в древний период и имела распространение только в определенное время: с конца IV века и вплоть до X в. Затем она исчезла[3]. Подковообразная центральная абсида в плане сочетается с полуциркульными боковыми. Академик Г. Н. Чубинашвили по этому поводу пишет, что «Сочетание подковообразной арки с полуциркульной характерно для памятников грузинской архитектуры определенного периода... Это... само по себе в известной степени может считаться датирующим элементом, поскольку граница ее распространения является IX—X века»[4]. Формы арок для каждого времени продиктованы

---

[2] Если сравнить Мсыгхуа и базилику Санагире близ Вазисубани в Кахетии, то мы найдем большое сходство их планов. В другом случае план храма Мсыгхуа приближается к планам купольных церквей, например, к плану находящегося недалеко в Новом Афоне храма Симона Кананита и крепостной церкви в Бзыбской крепости или же церкви св. Георгия в Хони. Наконец, есть пример (церковь IX века в Армази), где в плане четыре самостоятельных устоя поддерживают купол без барабана, скрытый под двускатной кровлей. К этому можно добавить и целый ряд византийских и древнерусских многокупольных храмов, чьи планы очень близко подходят к Мсыгхуа. Таким образом, исходя лишь из плана, трудно определить Мсыгхуа как базилику или же купольный храм.

[3] **Г. Н. Чубинашвили.** Архитектура Кахетии, стр. 477.

[4] **Г. Н. Чубинашвили.** «Болнисский сион». Известия ИЯИМК, т. IX, Тбилиси, 1940, стр. 135 — 136.

определенными художественными тенденциями и их очертания применены как на конструктивных или же декоративных арках, так и на разработке плана.

К. Н. Афанасьев в своей работе «Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими»[5] признает индивидуальной особенностью Десятинной церкви, древнейшего памятника русской архитектуры (конец X века), то, что подкупольное звено плана отклоняется от квадратной формы и расширяется в поперечном направлении. Далее он отмечает, что эта особенность нехарактерна для ранних храмов и аналогичные случаи появляются лишь в XII веке и то известно очень ограниченное их число[6].

Внутреннее помещение Мсыгхуа в плане квадратное, но устои несколько смещены к алтарю и подкупольное пространство по продольной линии сужается, расширяясь поперек.

На другом памятнике древнерусской архитектуры — Спасо-Преображенском соборе в Чернигове — К. Н. Афанасьев выявляет своеобразную особенность в наличии шестистолпного плана дополнительной пары восточных столбов. Фактически же они представляют собою торцы стен бемы, прорезанных дверными проемами, которые образовывали в западной части стен нечто вроде столбов, поднимавшихся лишь на высоту двери. Это приводит его к выводу, что подобная своеобразная черта заставляет говорить о принципиально ином варианте типа сооружения по сравнению с Десятинной церковью[7]. К этой типологической группе храмов автор относит Нижнюю церковь в Гродно и церковь Михаила-архангела в Смоленске на пристани, при этом добавляя, что помимо второй пары столбов к востоку от центрального купола, церковь в Смоленске имеет также и притворы с трех сторон «что роднит ее с церквами Северного Кавказа и Абхазии»[8]. Это замечание требует некоторого уточнения. Храм Мсыгхуа, находящийся в Абхазии, не имеет никаких пристроек, что не является исключением.

В храме сохранились нижние части подкупольных столбов, которые в сечении имеют крестчатую форму, с короткими ветвями в ширину пилястр и подпружных арок. Расположенная у алтаря пара столбообразных оснований отличается от подкупольных устоев. В сечении своем они почти квадратные, по толщине равны подкупольным столбам и имеют лишь по одному выступу с западной стороны аналогичному пилястрам, что продиктовано художественными и конструктивными требованиями сооружения. Это, естественно, подтверждает, что они были не свободно стоящими устоями, а обработанными под них торцами выступающих стен бемы, разделяющих алтарь на три части. Таким образом, храм был четырехстолпный, как и многие другие абхазские памятники (Лыхны, Бзып, Симона Кананита в Новом Афоне и т. д.).

Найденные при раскопе архитектурные фрагменты несколько дополняют пробел в определении характера строения и предварительное их изучение дает нам возможность сделать предположение в пользу того, что храм Мсыгхуа мог быть именно купольным.

Пять плоских плит, зашифрованных под №№ 31, 244, 261, 411, 459 по своим формам были определены как детали подкупольного кольца (табл. VII, 5). Узкая торцевая сторона каждой из них имеет хорошо

---

5 **К. Н. Афанасьев.** Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

6 Там же, стр. 42.

7 Там же, стр. 44.

8 Там же, стр. 45.

обработанную выкружку, профилированную неширокой лентой и галтелью. При расчете радиус вогнутости оказался близким к окружности, которая вписывается в пространство между четырьмя пилонами, и удалось определить диаметр этого кольца в 1,8 м.

Интересной деталью является блок № 499, сохранившийся лучше других, ему подобных (табл. VI, 4). Формы позволяют увязать его с конструкцией внутренней части купола. Он является тем промежуточным звеном, где сходились основания арок двух купольных окон, между которыми он находился. Угол, образованный на нем плоскостями частей простенков, равен 135° и является одним из внутренних углов восьмиугольника. Эта конфигурация позволяет предположить, что купол изнутри мог быть граненым. Подобные купола встречаются в византийской архитектуре (церковь монастыря Хора—VI в., капелла Марии в Константинополе—XI в., церковь Апостолов в Солониках—XIV в.). Если допустить, что храм некупольный, то использование такого рода архитектурных деталей невозможно в какой-либо иной части конструкции. Другие фрагменты внутренней конструкции храма не могут служить бесспорным доказательством купольности храма.

Во внешних конструкциях храма элементами, которые могут подтвердить выдвигаемое положение, являются пятиугольные в плане блоки, профилированные по двум лицевым сторонам тягами. Их найдено шесть и они зашифрованы под №№ 118, 144, 241, 245, 335 и 365 (табл. VII, 1). Лицевые стороны блоков сходятся под углом в 135°. При составлении их образовался восьмиугольник (недоставало двух блоков), что указывает на принадлежность этих фрагментов к основанию восьмигранного барабана. Профилировка тяги каждой лицевой стороны блока состоит из невысокого, почти плоского, но широкого валика и такой же ширины неглубокой галтели, между которыми идут клинчатые бороздки. Рисунок расположения и направления тяг указывает на принадлежность их к части обрамления купольных окон. Другие блоки (№№ 81, 345) с широкой выкружкой, обрамленной тягой того же мотива, указывают на то, что окна барабана были широки и перекрывались полукружием. Проследив направление профилированной тяги оконного обрамления, мы пришли к выводу, что она не замыкалась в наличник (табл. VI, 1, 2). Тяга, обойдя непрерывной широкой лентой верхнее полукружие окна, опускалась вертикально к его основанию, затем под прямым углом отходила от окна горизонтально до угла грани, переходила на следующую грань, вновь подходила уже к следующему окну и под прямым углом опять поднималась по вертикальной стороне окна, чтобы аналогичную фигуру прочертить вокруг другого окна. Так повторялось, пока тяга не обходила все восемь граней, чтобы замкнуться в непрерывной ленте.

Похожий композиционный рисунок украшения барабана и окон наблюдается в храме X в. Моква. Естественно, барабан купола должен был венчать карниз и его немногочисленные фрагменты были найдены (№№ 76 и 188, табл. VII, 3). Один из них является углом карниза и на нем промеряется тот же угол в 135°. Другой же блок из прямой тяги карниза. Невысокий, но сильно выступающий профиль тяги карниза прост и строг. Под узкой полочкой идет широкая и плоская галтель. Затем, после очередного уступа следует невысокий, но тоже широкий валик, разделанный под жгут. Это единственная резная тяга во всех декоративных обрамлениях храма. Все же другие тяги карнизов, обрамлявших фасады здания, повторяют этот же мотив, но без разделки валика.

Обычно постройки первой половины X века были лишены пышных

резных орнаментальных украшений, но затем уже позже появляются устремления декоративной разработки фасадов здания. Это в определенной мере проявилось в храме Кацхи, где каждая грань основного массива здания, обхода и барабана завершается отдельным фронтоном, создавая таким образом троекратно повторяющуюся, необычайно подвижную линию карнизов и кровель[9]. Однако, эти декоративные украшения первоначальной постройки носят характер профилированных тяг, а не резного орнамента, который становится доминирующим в декоре с XI века.

Все пространство храма было достаточно обильно освещено, так как оконные проемы были довольно широкие. Сохранившееся полуциркульное обрамление оконного проема позволило определить его ширину в 0,21 м (табл. VIII). Найденные при раскопке храма фрагменты крупных оконных стекол были диаметром в 0,16 — 0,17 м. Таким образом, можно сделать вывод, что стекольные круги составлялись в пайки или же в переплеты вертикально в один ряд. Стекла эти сами по себе представляют интерес и требуют специального изучения. Такие же широкие окна имеются на Лыхненском храме, где особенно широки они на куполе. К сожалению, стены не сохранились до уровня окон и поэтому о их расположении можно лишь предположить исходя из сложившихся строительных традиций.

Снаружи храм весь облицован мастерски тесаными и искусно сложенными каменными квадрами, и рисунок кладки сам по себе является художественным достоинством здания.

«Без арки нет строения в Грузии»[10], — говорит академик Г. Н. Чубинашвили, и это лишний раз находит свое подтверждение на этом памятнике. Везде, где только возможно, применена арка. Как конструктивный элемент она часто использовалась и прежде всего, по-видимому, как подпружная арка, на которой лежал свод. Арка выполняла необходимую роль в наиболее эффективном использовании строительного материала, которым располагали создатели храма, и способствовала облегчению и прочности его конструкции, а также созданию необходимого художественного облика.

На храме Мсыгхуа арка нашла свое применение и в чисто декоративном оформлении окон на фасадах. Судя по сохранившимся фрагментам, окна были украшены профилированными тягами; орнаментальная резьба на них здесь не встречается.

Украшение окон имеет определенные, закономерные ступени развития, неразрывно связанные с этапами развития грузинской архитектуры. Начиная с ранних памятников VII века и вплоть до середины X века окна украшаются лишь навершиями различного вида (Болниси, Джвари, Самшвилде, Армази, Эредви, Кумурдо и др.). «С середины X века на украшение оконных проемов обращается особенное внимание и именно с этого времени мы встречаем различные варианты композиционного построения украшения окон. Исполнение навершия и наличника в X веке неодинаковое. Всегда более подчеркивается навершие (рельефом, цветом). При этом навершие не соединяется с наличником (Берис Сакдари и др.). Хотя навершие и наличник в храме Баграта (1003 г.) уже орнаментированы, оба с равным старанием, все-таки они еще не соединены, но сближены... На памятниках несколько более поздних, как малая церковь Ишхани (1006 г.), полукруглые навершия с

9 **В. В. Беридзе.** Архитектура Грузии. М., 1948, стр. 41.

10 **Г. Н. Чубинашвили.** Архитектура Кахетии, стр. 476.

горизонтальными отворотами, как правило, плотно насажены на оконные наличники. Таким образом, эта последняя композиция украшения внедряется в обиход в начале XI века, а раньше в таком виде не встречается»[11].

Оконные украшения на Мсыгхуа в определенной мере отличаются от вышеизложенной эволюции оконных обрамлений. В Мсыгхуа нет окон замкнутых в наличник. Навершия, профилированные тягой (блоки 81, 345), без горизонтальных отворотов и упираются в выступающие неширокие скосы (блок № 126, табл. VII, 4). Ими были обрамлены окна основного помещения церкви, на что указывают места находок. Вместе с тем, здесь на боковых абсидах были окна, которые вовсе не имели какого-либо украшения. Такая нарочитая строгость плоскостей стен боковых абсидных выступов, по-видимому, была продиктована определенным художественным замыслом зодчего, который стремился сосредоточить все внимание на центральной широкой граненой абсиде.

Суммируя вышеизложенное, нельзя не отметить незаурядное мастерство строителя храма, который отличается ясностью композиционного построения, строгостью пропорций, четкостью линий и высокой техникой исполнения и обработки материала.

Эти черты присущи сооружениям периода полного развития основных строительных тенденций. Вместе с тем, скупость декоративных приемов и предельная лаконичность облика здания ставят его в канун искусства зрелого средневековья, когда главной проблемой зодчего становится декоративное оформление здания.

Предварительное изучение выявленных материалов позволило дать храму типологическое определение купольного сооружения и подвести к датировке ориентировочно X веком.

Храм Ачануа. Этот храм оказался сооружением совершенно иного типа, несмотря на то, что первое же знакомство говорило о его хронологической близости и идентичности технического исполнения с храмом Мсыгхуа. При первом посещении Ачануа нам представился небольшой густо заросший бугор на склоне высокого холма.

Если первый храм с момента своего разрушения находился в забвении, что сохранило для нас множество важных материалов в виде обломков, различных фрагментов и т. д., то второму менее посчастливилось. Впервые развалины храма были обнаружены в 1933 году и всякий, кому нужен был добротный строительный материал, брал для своих нужд тесаные квадры, нимало не заботясь о сохранности памятника.

В результате полной расчистки остатков сооружения нам представился сильно поврежденный план и части стен христианского храма (табл. IV). В процессе работы были обнаружены те немногие блоки и фрагменты, которые оказались в переворошенном завале с незначительным числом уцелевших черепков, и части резного каменного креста с алтарной преграды. Были также обнаружены мелкие осколки оконного стекла, обломки кровельной керамики в виде калиптеров и антефиксов, идентичные тем, что были найдены при расчистке храма Мсыгхуа.

В основе двоечастного храма Ачануа лежит несложный план, наружные размеры которого достигают 8,55 x 8,25 м. Он состоит из зала церкви и примыкающего с севера большого помещения, которые соеди-

[11] **В. Долидзе.** «Хозита-Майрам — документ культурных связей грузин с народами Северного Кавказа». Сообщения АН Грузинской ССР, т. XV, № 2, Тбилиси, 1954, стр. 125.

няются узким проходом в смежной стене. Снаружи южная часть имеет пятигранную выступающую абсиду, а у северной части абсида замкнута в прямоугольник.

Ни с юга, ни с запада нет каких-либо следов пристроек. Внутренние очертания плана лаконичны и просты. Они почти полностью соответствуют наружным и сохраняют одинаковую толщину стен, в которых нет каких-либо конструктивно неоправданных утолщений, утяжеляющих массу оболочки сооружения.

Слегка вытянутый зал церкви как бы расчленен двумя парами пилястр на три части и к нему примыкает с востока широкое алтарное полукружие. Идеально очерченная полуциркульная абсида без бемы замыкается с северной стороны стройным заплечиком, южный же заплечик не сохранился. В месте сопряжения алтарной части со стенами зала, в северо-восточном углу, прослеживается основание углового пилястра. Весь юго-восточный угол и примыкающее к нему алтарное полукружие разрушены. На северной и южной стенах видны основания еще двух пилястр с каждой стороны. Но в самих углах у западной стены нет никаких пилястр.

Строго по продольной оси в западной стене имеется дверной проем. На поперечной же оси в южной и северной стенах симметрично между пилястрами расположено тоже по одному дверному проему. Таким образом, в зал церкви ведут три входа. Однако проем в северной стене очень мал и узок.

Алтарная часть возвышается над залом на одну невысокую ступень; престол в нем не сохранился, хотя есть основания предполагать, что он был, как это наблюдалось в северной абсиде трехабсидного храма Мсыгхуа. К этому следует добавить, что в прошлом здесь была и алтарная преграда, об этом свидетельствуют найденные во время расчистки храма фрагменты резного креста и резные куски каменных досок с алтарной преграды, аналогичные тем, что найдены были на Мсыгхуа.

Вдоль северной и южной стен тянется невысокий и неширокий (0,4 x 0,4 м) выступ для сидения, сложенный из тесаных камней и оштукатуренный красноватой цемянкой, который прерывается лишь в местах проходов, а у алтаря, образовав прямой угол, немного продолжается вдоль стен абсиды. Примыкающее с севера помещение еще более разрушено и внутренние очертания его плана прослеживаются лишь в алтарной части и юго-восточном углу. Его абсида имеет подковообразную форму, которая вписывается в наружный прямоугольник. Внешние очертания в своей большей части сохранились и в западной стене, почти у самого фундамента видны следы наружного входа.

Толщина стен храма почти везде выдержана одинаковой и достигает 0,8 м. Подобная равномерность и в алтарной части главного помещения наводит на мысль, что в алтаре не было ниш или же, если они и были, то очень мелкими. Совершенно обратное мы имеем в северном помещении. Так как абсида вписана в наружный абрис прямоугольника, то утолщений в углах, срезаемых алтарным полукружием, строители не могли избегнуть, и в них вполне возможно было поместить довольно глубокие ниши. Стены храма снаружи и изнутри облицованы тесаным камнем.

Притолоки дверных проемов без каких-либо скосов или же выступов. Причем южная дверь на 0,12 м шире западной и достигает 1,05 см.

Несмотря на то, что внутренние стены выложены из тесаных камней, на них прослеживаются следы штукатурки. В частности, следы

штукатурки на северной стене позволили обнаружить отпечаток несуществующего ныне основания среднего пилястра, который затем был подтвержден наличием противоположного пилястра на южной стене. Следы штукатурки наблюдаются и в северном помещении.

Оба помещения вымощены красной цемянкой. Этой же цемянкой обработаны выступы для сидения, расположенные вдоль стен главного помещения.

Располагая столь немногими данными и опираясь лишь на план сооружения, возникает задача выявления и определения характера и особенностей храма Ачануа и его датировки.

Зальная церковь, как совершенно определенный архитектурный тип, получила широкое распространение в средневековом строительном искусстве на территории почти всех христианских стран, в том числе и Абхазии, ввиду того, что она наиболее логично и доступно отвечала как запросам, так и возможностям поселян, чьими руками и средствами она сооружалась. Однако от большинства храмов этого типа Ачануа отличается некоторыми чертами.

Важным вопросом перед нами встает положение северной части церкви. Зальные церкви не всегда снабжаются помещениями, располагающимися по сторонам абсиды. В церквях, где их нет, алтарная часть повышена на одну или несколько ступеней и отделена от остального пространства перегородкой, расположенной обычно под триумфальной аркой. Но наличие помещения по сторонам абсиды продиктовано требованиями выполнения вспомогательных к алтарю функций. Так с течением времени возникла потребность в приделе с северной стороны.

Ренэ Шмерлинг писала: «О том, что последний (северный придел.— А. К.) рожден желанием снабдить алтарь служебным помещением свидетельствует то обстоятельство, что северный придел, протягиваемый не на всю длину стены церкви, а только на известную ее часть, не получает доступа снаружи, с церковью же соединяется одним проходом, находящимся в ряде случаев в непосредственной близости к алтарю»[12]. Примером этого может служить Илорский храм, где северный придел, действительно, почти вдвое короче самой церкви и имеет лишь один вход из внутреннего пространства храма. К этому следует добавить, что обычно размеры площади приделов значительно меньше (почти в несколько раз) площади зала церкви.

Здесь же мы имеем иную картину, свидетельствующую о более самостоятельном назначении северного помещения. Во-первых, площадь северного помещения не на столь значительно меньше площади южного помещения церкви, во-вторых, по наружным очертаниям южная часть длиннее северной на выступ абсиды и два уступа у северо-восточного и северо-западного углов, что составляет всего 0,5 м, которые лишь подчеркивают наружное членение здания. Кроме того, северное помещение имеет в западной стене довольно широкий самостоятельный вход снаружи, тогда как дверной проем, расположенный на поперечной оси, соединяющий его с основным помещением, очень узок, а порог его настолько высок, что доходит до уровня сидений, расположенных вдоль стен, и чтобы можно было подняться на него, сооружена ступенька из монолитного блока.

Таким неудобным проходом вряд ли пользовались в торжественных случаях и он не свидетельствует о своем частом функциональном

[12] **Р. Шмерлинг.** Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, стр. 35.

использовании. К этому следует добавить и то обстоятельство, что обе части выложены одновременно, на месте стыков не прослеживаются какие-либо швы. Помимо этого проход выходит к центру зала. Но в ранних абхазских церквях есть примеры, когда с северной стороны к церкви пристроены помещения и проход в них расположен у западной стены, вдали от алтарной части церкви. Так в раннем храме Лашкинтар на северной стене имеются два прохода, один из них, расположенный ближе к алтарю, ведет из церкви наружу, а другой — у западной стены — более низкий и узкий, ведет в северную пристройку.

С Ачануа перекликается также и другой ранний памятник грузинской архитектуры, находящийся в Гелати. Он расположен на косогоре, в трехстах метрах к юго-востоку от монастыря. Эта небольшая церковь св. Ильи состоит из двух равных по длине помещений, но северная половина значительно уже южной. В отличие от Ачануа обе абсиды церкви не выступают за границы прямоугольного плана; соединяющий смежные помещения широкий и высокий арочный проход стремится к объединению внутреннего пространства строения. Северное помещение тоже имеет самостоятельный выход наружу, но в северной стене, а южная половина имеет лишь один вход с запада. Кроме того алтарные части соединены самостоятельным проходом. Подобное плановое решение церквей говорит о том, что северные части церкви не только были подсобным помещением для алтаря. Они выполняли, как видно, и более самостоятельные функции.

Сталкиваясь со столь своеобразным устройством северного помещения, следует признать, что недостаточная изученность памятников архитектуры средневековой Абхазии пока еще не дает возможности необходимого исследования такого разнообразного построения приделов.

В вопросе датировки памятника определяющим моментом является устройство алтарной части храма. По наружному абрису пятигранная абсида сильно выступает за пределы четырехугольного плана церкви, абсида же северного придела замкнута в прямоугольнике. В северо-западной части Абхазии встречаются зальные церкви с выступающей абсидой (Айлага-Абыку в селе Бомбора, крепостная церковь Анакопии и т. д.). К XI веку в центральной Грузии уже полностью сложился наиболее целесообразный и распространенный тип храма, где абсиды обычно не выступают за границу прямолинейного очертания плана. Это уже само может быть датирующим рубежом для храма Ачануа.

Еще более уточняет дату сооружения памятника внутренняя конфигурация абсиды. Абсида главного помещения в плане полуциркульная, тогда как абсида придела — подковообразная. Сочетание различных по форме абсидных кривых наблюдается и на храме Мсыгхуа.

В техническом исполнении наблюдается четкость линий грани на камне, правильность обработки его поверхности и тщательность подгонки и исполнения стыков, так что раствор в швах почти незаметен. Храм Ачануа по технике обработки камня и облицовке близок храму Мсыгхуа, с той лишь разницей, что здесь квадры достигают значительно бóльших размеров, например, некоторые из них 1,1 x 0,4 м при толщине в 0,2—0,3 м.

* * *

Богатство выбора природного камня на территории Абхазии, пригодного для строительных целей, определило характер местного зодчества. Кирпич и дерево являлись второстепенными или даже вспомога-

тельными материалами поэтому и не оказали существенного влияния на конструкции и формы.

На данных памятниках, как оказалось, в возведении стен и перекрытии сводов использовались только камни. Кирпича здесь нет и только кровля была черепичная. Камень этот добывался в поблизости расположенном карьере и представляет собою палеоценовый третичный нумуллитовый известняк. Белоснежный по цвету и мягкий в обработке, он обладает теми свойствами, которые дали строителям возможность максимально использовать его высокие качества. Не потускневшая со временем его красивая фактура дает и сегодня представление о былом облике храмов.

Стены сложены из двух параллельных рядов камней и пространство между ними заполнено бутобетоном. Высота каждого ряда колеблется между 0,35 и 0,4 м. Толщина облицовочных камней в среднем достигала 0,15—0,2 м и основная нагрузка массы приходилась не на эти наружные блоки, а на заполняющий толщу стены бутобетон. Это же подтверждается еще и тем, что кромка блоков скашивалась во внутрь, заостряя угол камня, что делало кромку еще более ломкой, но так как блок не нес основную нагрузку, то это позволяло строителям толщину щели шва довести до минимума, а зазор, образованный изнутри, заполнялся раствором. Таким образом блоки здесь становятся облицовкой и вместе с тем как бы выполняют роль своеобразной опалубки, в которую укладывают рваный камень и щебенку и заливают известковым раствором с ровным морским гравием. Пригонка блоков выполнена настолько тщательно, что раствор не просочился наружу. Эта система монолитных стен, облицованных с двух сторон, оправдала себя и, как это видно на многих памятниках средневековья, в частности на храме Мармал-абаа, у которого впоследствии ободрали всю облицовку из блоков известняка, части стен из бутобетона выдерживают нагрузку и время.

Обе церкви были крыты черепицей. Она была изготовлена двух видов — плоская с отогнутыми кверху бортами и желобчатая — калиптера, но различных конфигураций, из которых и комбинировалось кровельное покрытие. Черепица клалась прямо на раствор, но тем не менее на некоторых плоских черепицах встречались отверстия, по-видимому, для закрепления их гвоздями во избежание сползания. Древние строители не упускали случая пристроить свое творение и поэтому крайние калиптеры с торца были снабжены антефиксом, на котором был оттиснут крест и начертаны буквы. Красный цвет черепицы и бегущее зубчатое украшение края кровли придавали особый эффект зданию, служа красочным и ажурным обрамлением на строгих и гладких белых стенах, сверкавших на фоне голубого неба и окружающей зелени.

* * *

С момента зарождения христианской культуры, пришедшей в страны Закавказья с юга из Сирии и Палестины, а с запада из Византии, в средневековой истории нашего края произошли огромные социально-политические и культурные изменения. Христианство, кроме новой веры, несло с собою и новый нарождавшийся феодальный строй через оставшиеся на побережье, некогда расцветавшие греческие фактории на Восточном Причерноморье. К тому времени аборигены нынешней Абхазии имели свою сложившуюся художественную культуру; пришед-

шая новая культура могла быть воспринята и получить здесь дальнейшее развитие, преломившись через призму местных народных традиций. В христианской культовой архитектуре тогда еще окончательно не сложились определенные каноны и поэтому легче могли быть интерпретированы по-своему, в каждой стране, вступившей на путь христианизации.

Дальнейшее историческое развитие христианской культуры наиболее наглядно подтверждает подобное положение. И если в восточной, южной и центральной Грузии складываются строительные традиции, тяготеющие к малоазийским, то в Абхазии они больше тяготеют к собственно византийским. Кроме того в грузинских и абхазских традициях наблюдаются и взаимовлияния. Провести строгую грань между этими традициями невозможно. Так, к примеру, «Гелатский храм (XII век) представляет своеобразную комбинацию абхазских и карталинских элементов: по плану и общим пропорциям он напоминает Пицунду, а облицовка тесаным камнем и... декор говорит о карталинской традиции»[13].

Неиссякаемый творческий дух народа выявлял из своей среды талантливых мастеров, которые способны были понять его мысль и эстетические запросы. Опираясь на традиции и достижения передовой культуры, они создали очень интересные и своеобразные памятники культуры, которые можно отнести к ряду уникальных. К таким памятникам в первую очередь относятся храмы Амбара, Лыхны, Моквский кафедрал и некоторые другие. Эти архитектурные маяки дали ориентиры, по которым стали вырабатываться отдельные плановые, конструктивные и художественные решения и складываться все более самостоятельные формы и характерные особенности. Абхазские сооружения отличают от остальных памятников христианской культуры того же времени, например, удлиненный план здания, выступающая полукруглая или же граненая абсида, отсутствие на фасадах резного декора, невысокий барабан купола, низкое шатровое перекрытие и т. д.

Недавно обнаруженные храмы Мсыгхуа и Ачануа, несомненно, являются теми произведениями, которые в определенной мере демонстрируют художественно-технический уровень и особенности своей эпохи, локализовавшиеся в этом крае, и поэтому займут соответствующее место в ряду памятников средневекового зодчества Абхазии.

---

[13] **Ш. Я. Амиранашвили.** Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. Тбилиси, 1963, стр. 15.

Табл. I

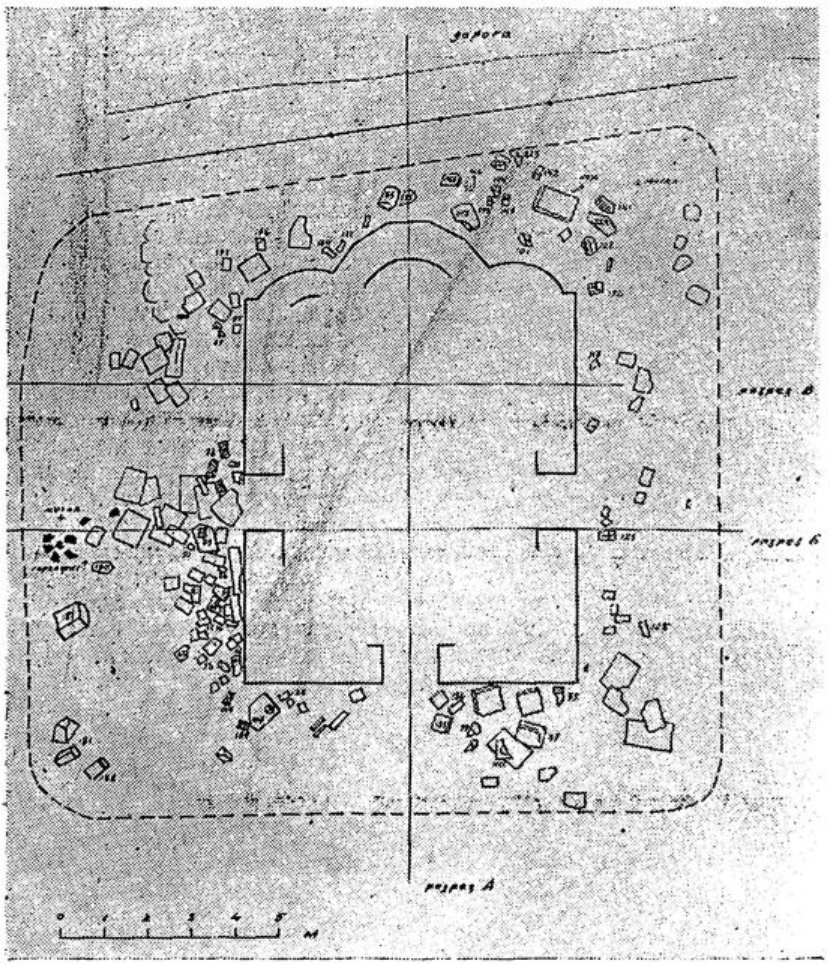


Табл. I

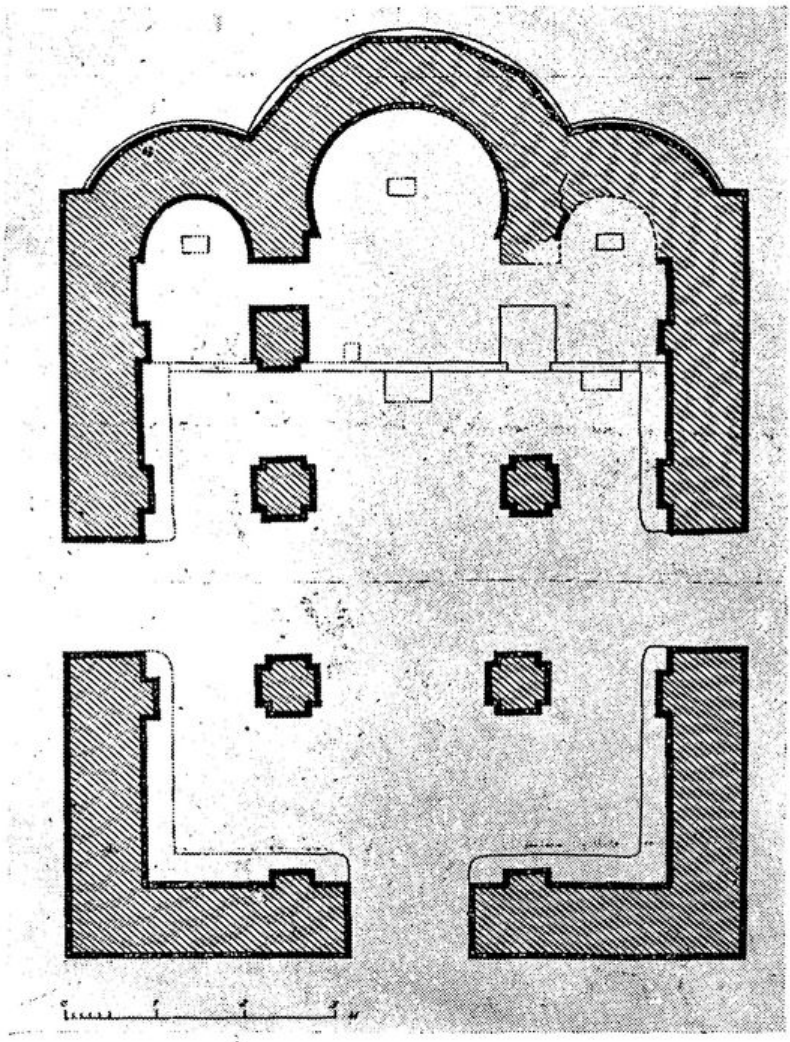


Табл. III

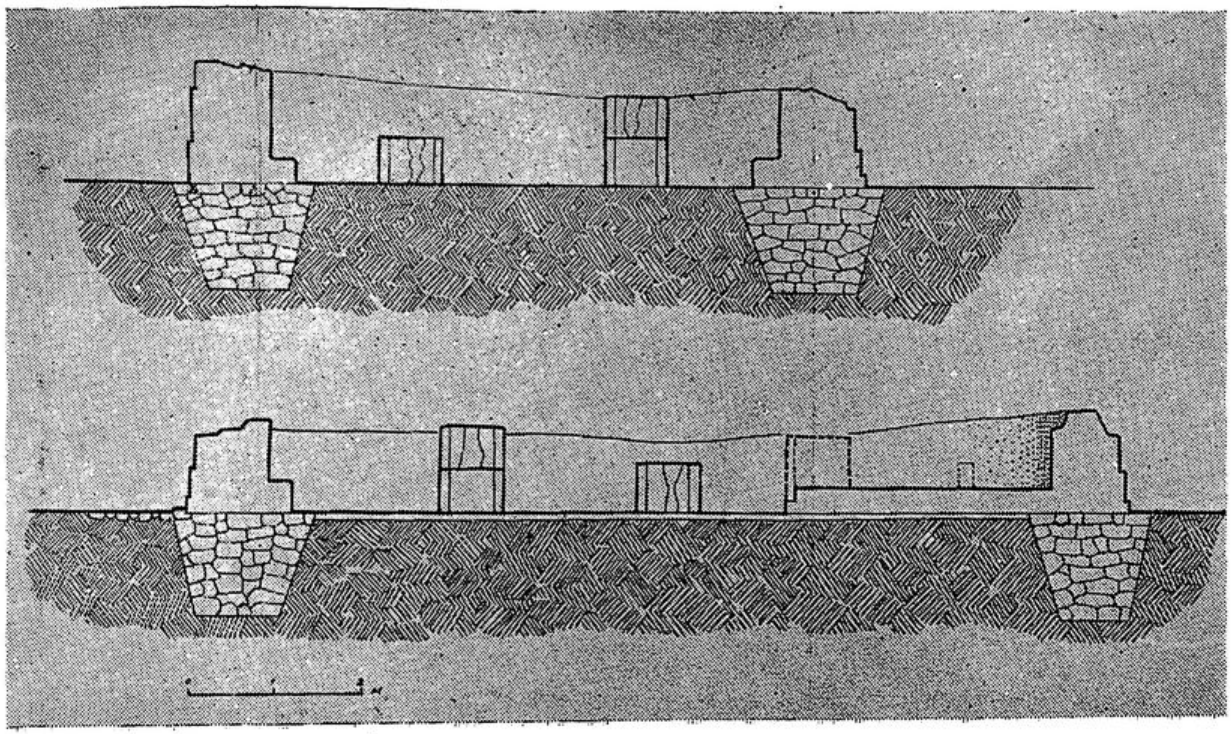


Табл. IV

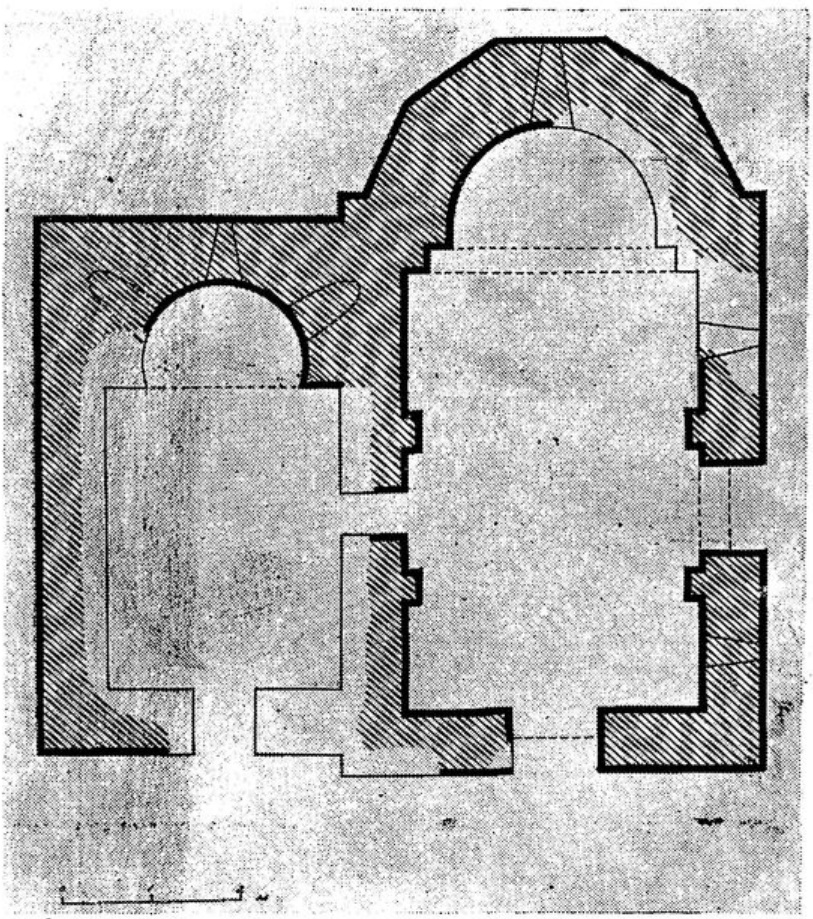


Табл. V

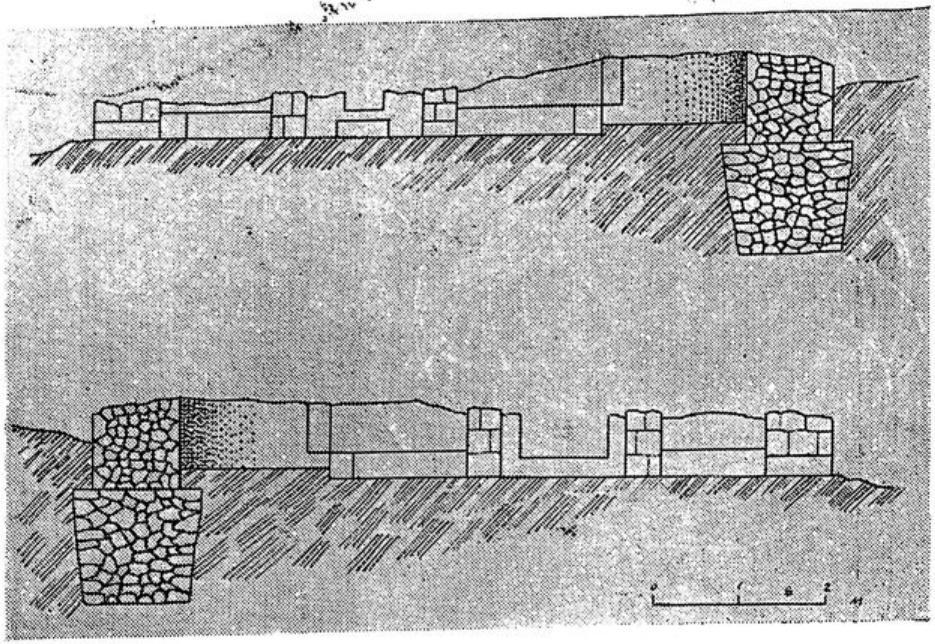


Табл. VI

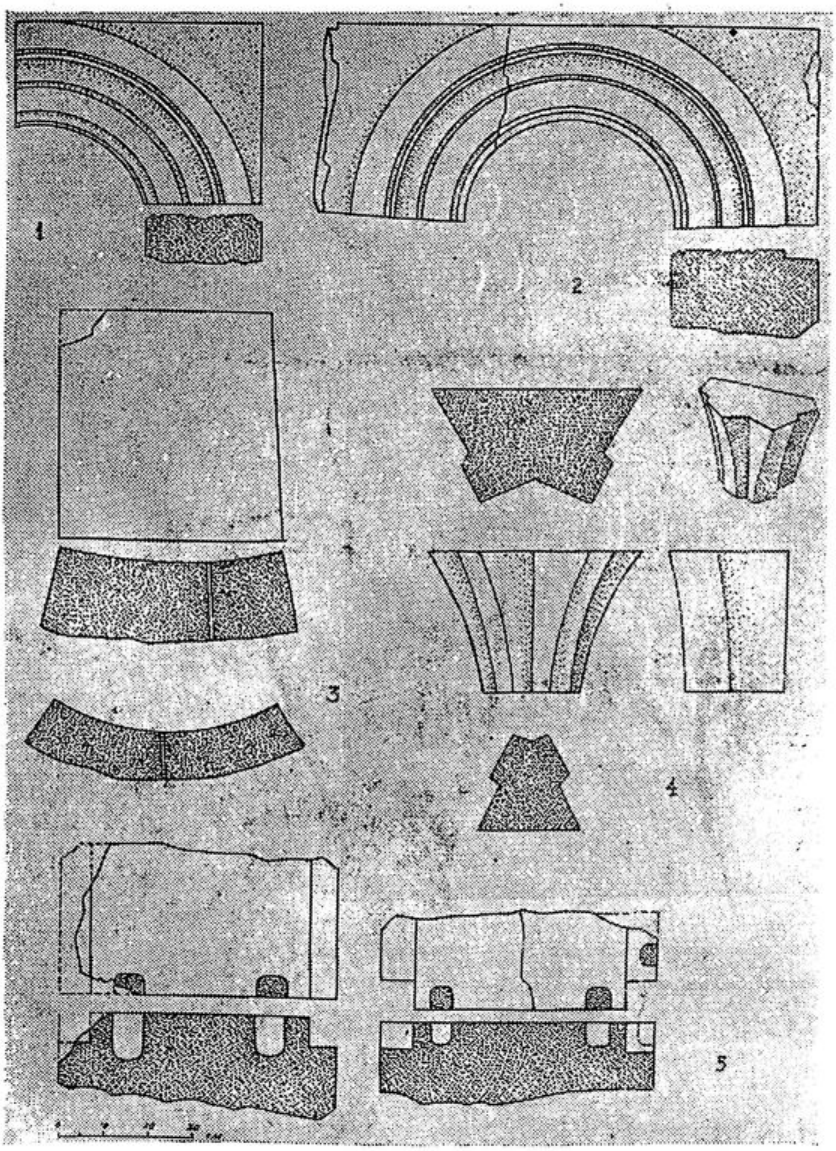


Табл. VII

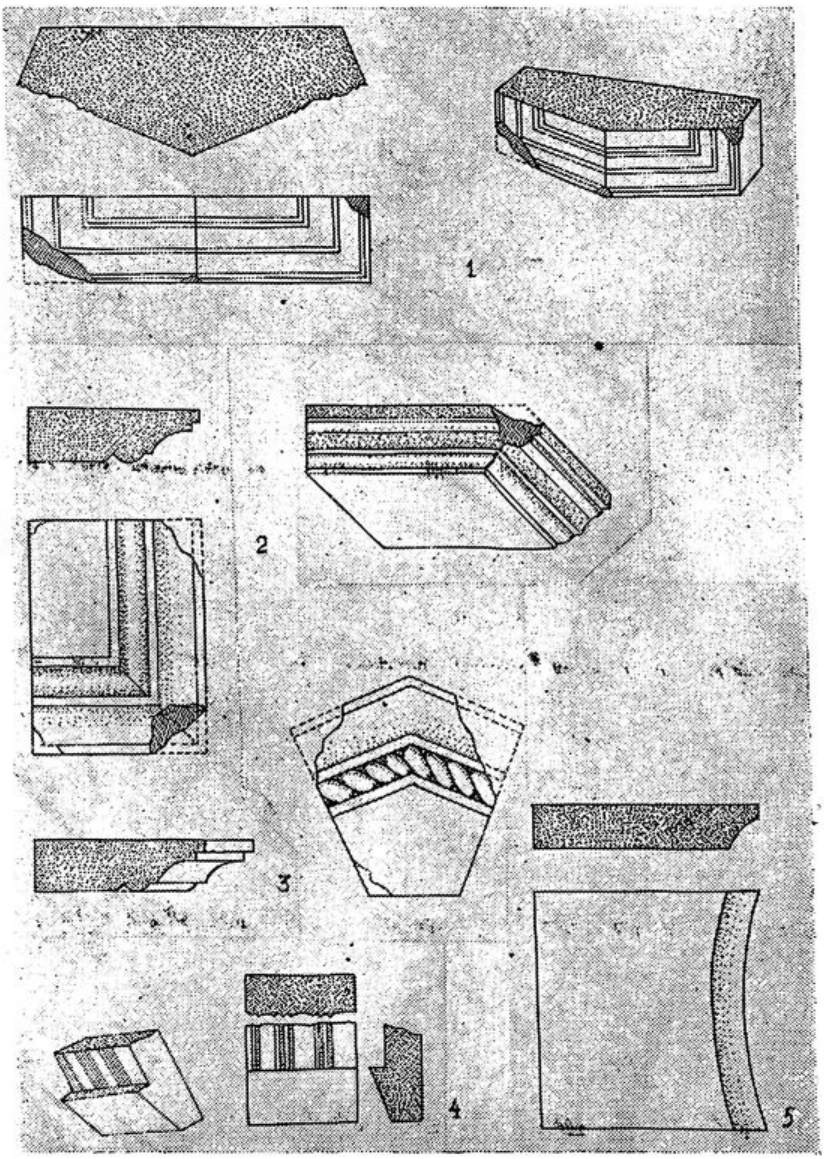


Табл. VIII

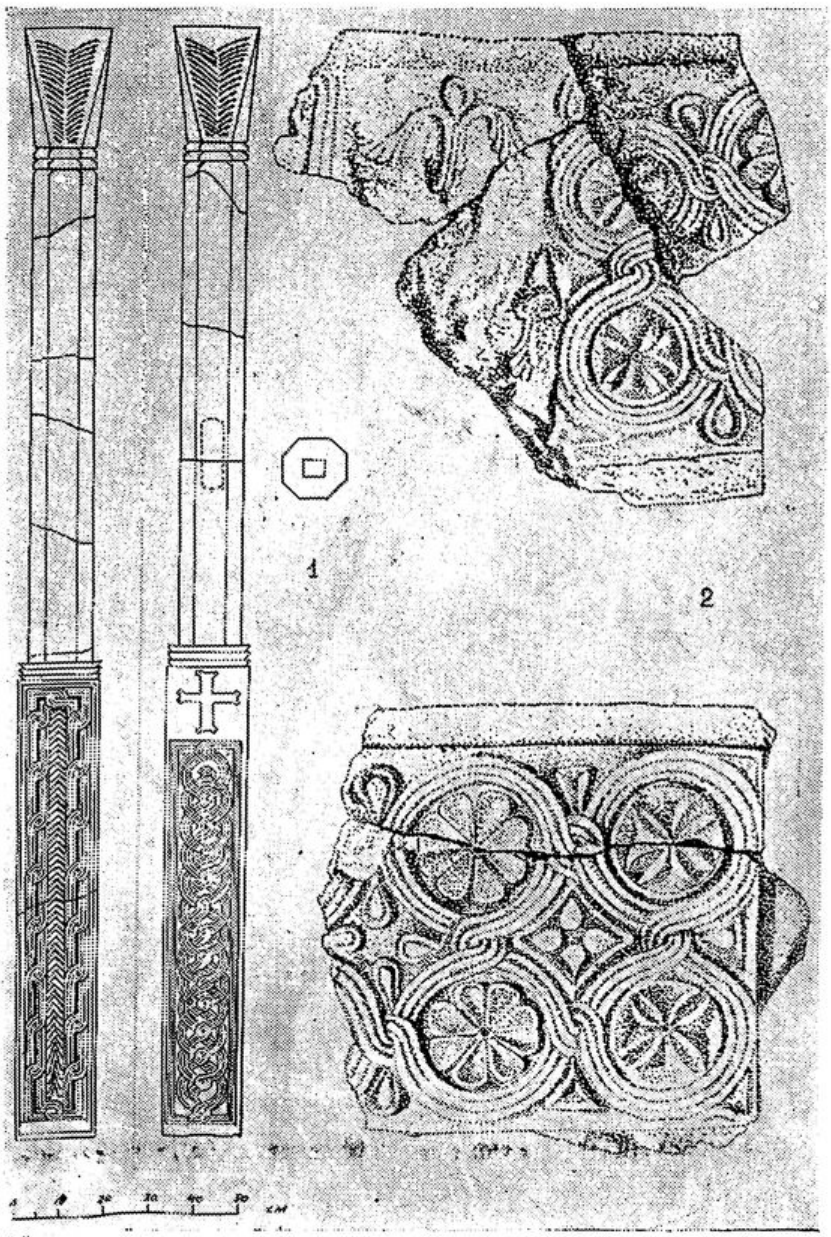


Табл. IX

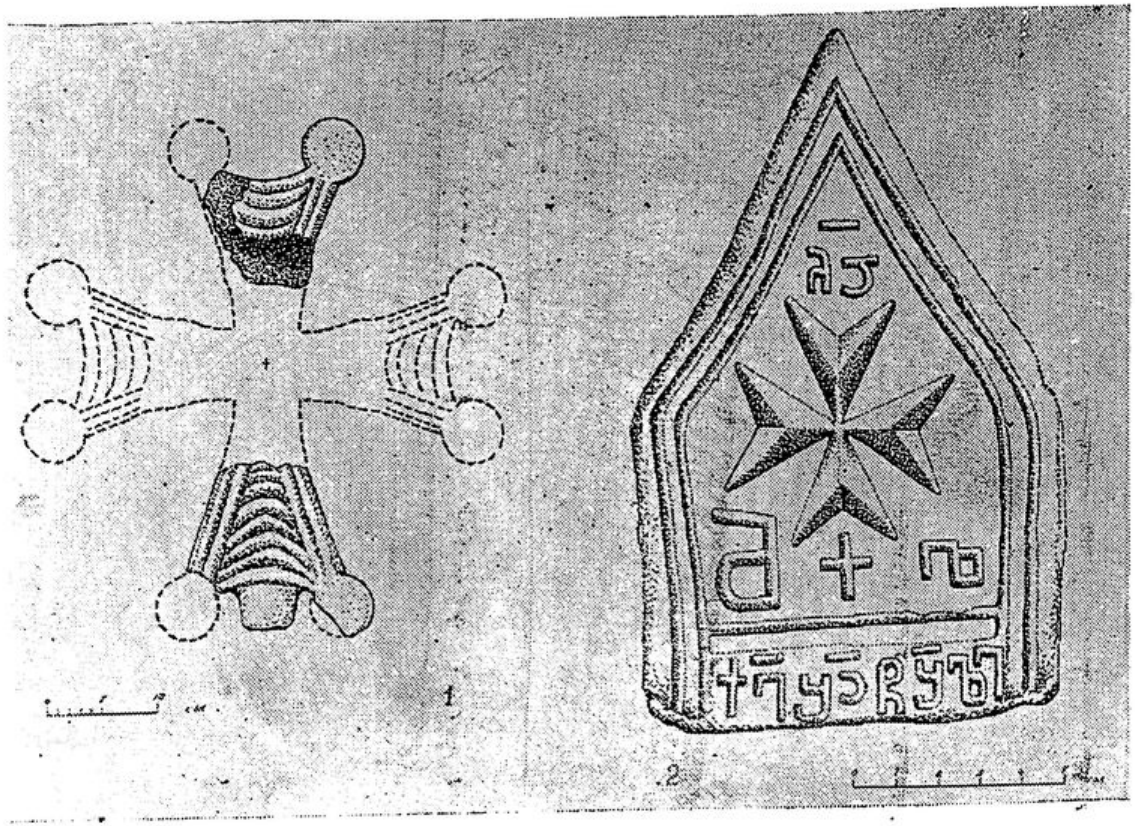


Табл. X

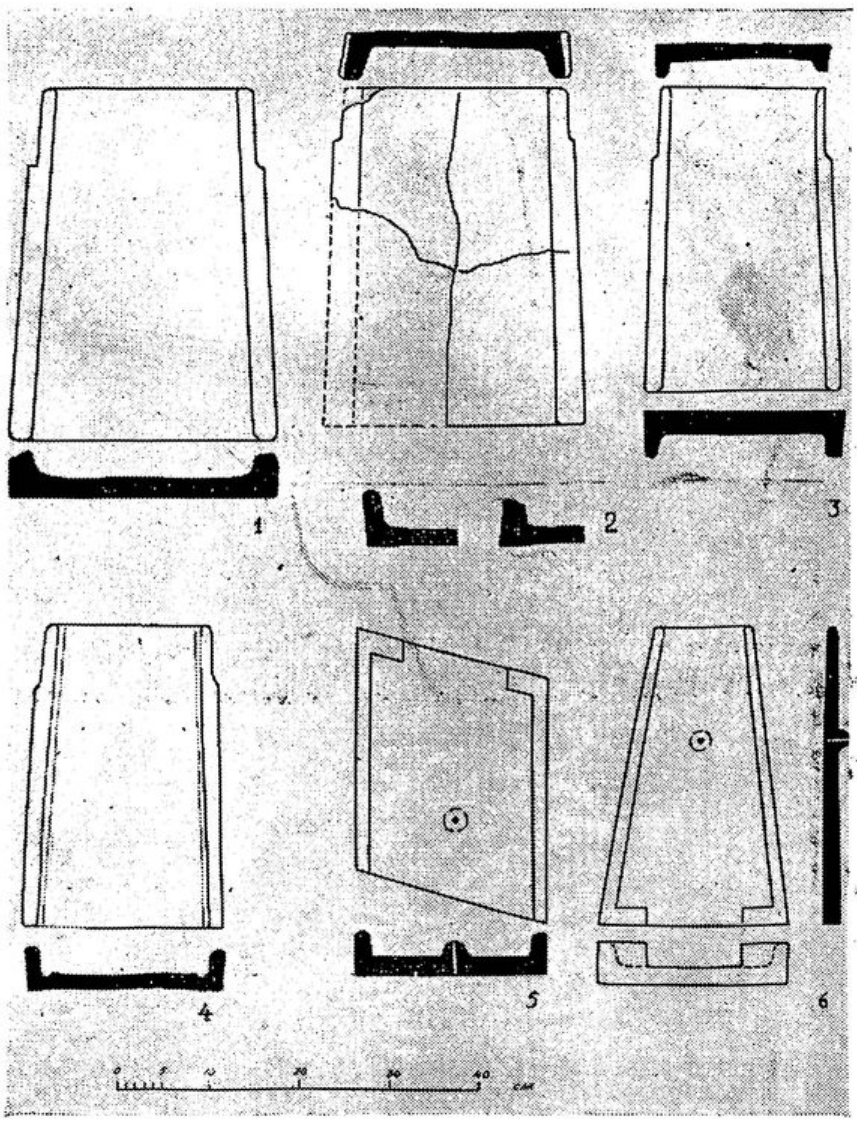


Табл. XI

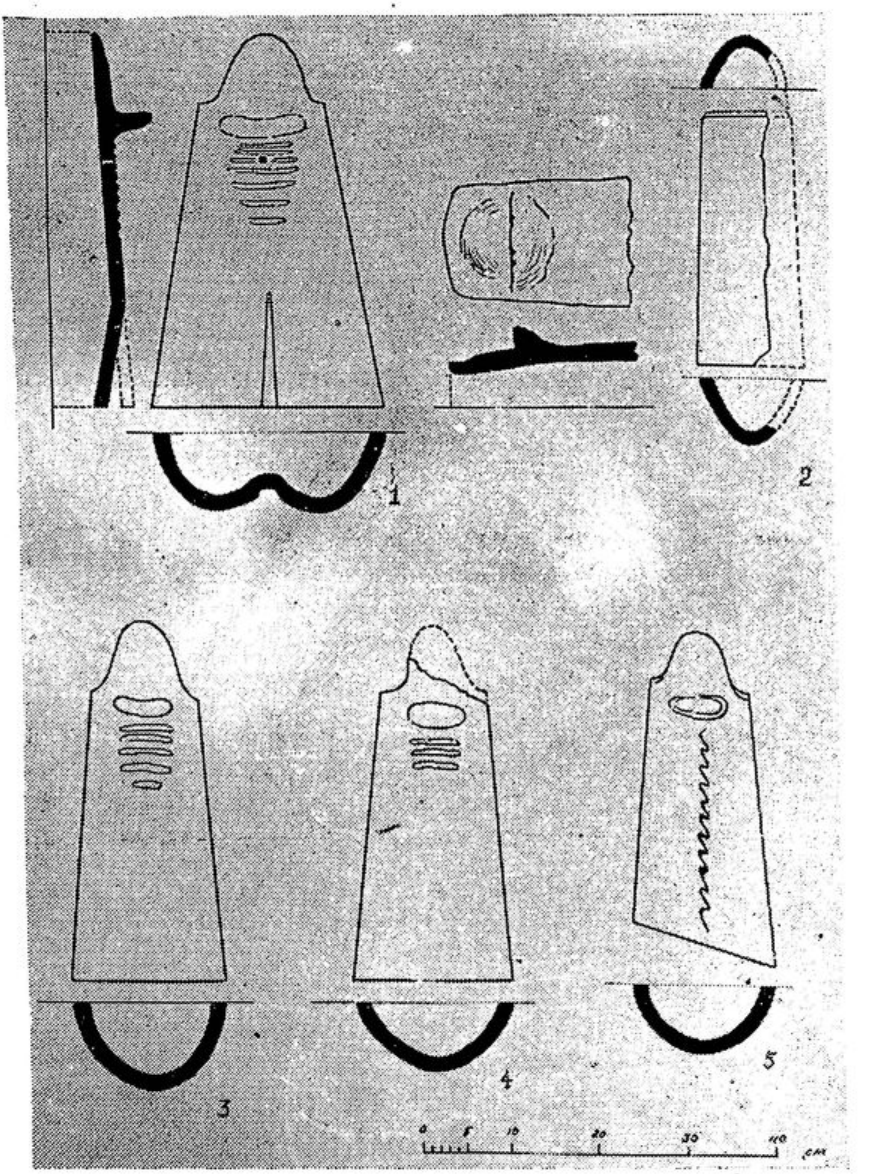
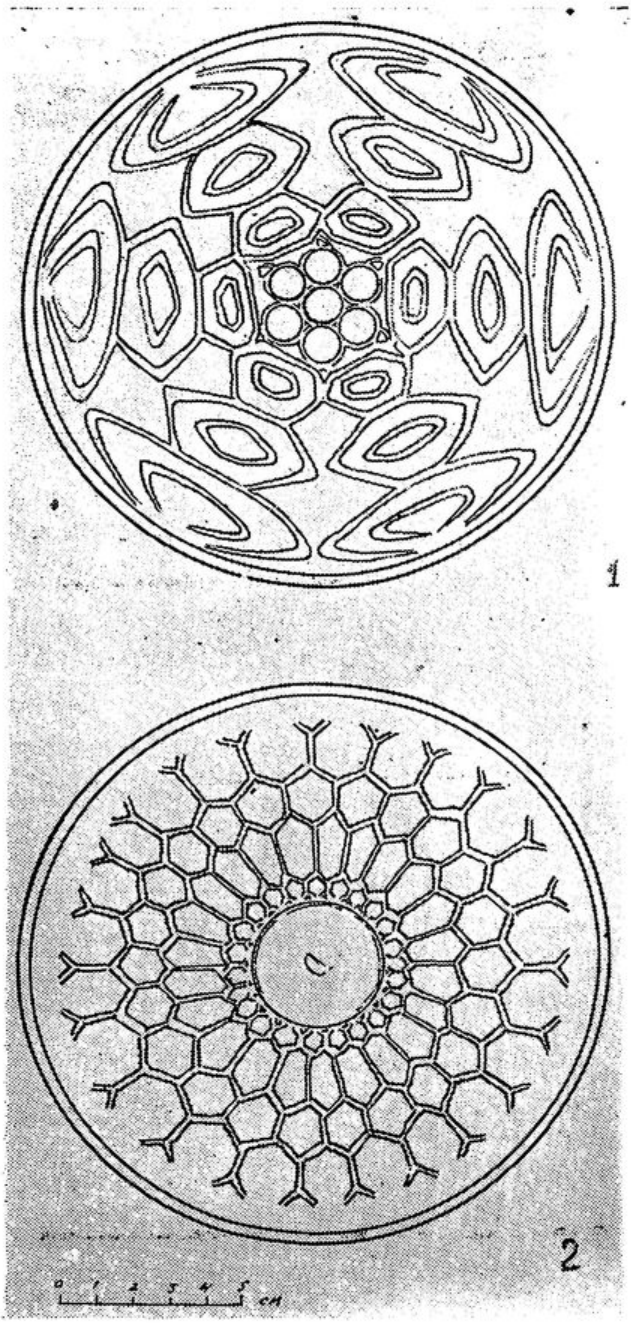


Табл. XII



Holy Metropolis of Abkhazia
www.anyha.org